

ИДЕАЛЬНЫЙ ПАЦИЕНТ

ИДЕАЛЬНЫЙ
ПАЦИЕНТ

SHADOW WALKER

Shadow Walker

Идеальный пациент

«Автор»

2026

Walker S.

Идеальный пациент / S. Walker — «Автор», 2026

Доктор Сэмюэл Ривз вживил электроды в мозг пациента с шизофренией, чтобы вылечить его от боли. Но пациент — не человек. Он — антенна, которая слышит страдания всех вокруг. Теперь он управляет болью. Он захватил клинику, превратил персонал в марионеток, а стены седьмого этажа сделал живой плотью. Ривз пытается бежать, но его дочь уже заражена фиолетовым светом. Единственный способ спасти город — вернуть себе собственную боль. Всю. Сразу. Настоящую. И спеть ею в лицо тьме. Но что, если тьма улыбнется в ответ?

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Идеальный пациент

Глава

Пролог

Доктор Сэмюэл Ривз проснулся от запаха озона и старости. Это был не его дом. Потолок над ним был идеально белым — без единой трещины, без следа от воды, без той ленивой грязи, что скапливается в углах жилых комнат. Он лежал на чем-то жестком, прохладном, пахнущем антисептиком и уксусом. Где-то в отдалении мерно пикал кардиомонитор. Ритм. Слишком правильный ритм.

Сэмюэл попытался пошевелить рукой. Ничего. Не потому, что она онемела, а потому, что команда из мозга не доходила до мышц. Он был заперт внутри собственной головы, как в звуконепроходимой камере. Веки не слушались. Язык прирос к нёбу. Сердце — то самое, которое он сам лечил последние двадцать лет — билось с пугающей легкостью, будто его больше не сдерживали ребра.

— Аудиограмма в норме, — произнес голос справа. Женский, мягкий, без интонаций. — Рефлексы сохранены. Он в сознании.

— Отлично, — ответил второй голос, мужской. — Начинайте протокол «Колыбель».

Запах озона усилился. Сэмюэл почувствовал, как по позвоночнику — нет, внутри позвоночника — потекла ледяная жидкость. Это не была боль. Это было нечто похуже. Полное, абсолютное исчезновение себя. Он понял, что забывает имя собственной дочери. Сначала имя. Потом лицо. Потом сам факт ее существования.

Он закричал. Но мир не услышал. Потому что в этой комнате с идеально белым потолком пациентам не положено кричать.

Глава 1. Санта-Эндикот, три месяца назад

Дождь в Калифорнии — событие. Он не льет, как в Нью-Йорке, не хлещет косыми струями, как в Сиэтле. Калифорнийский дождь — это религиозный опыт. Он пахнет пылью и эвкалиптом, он заставляет пустынные холмы взрываться изумрудной зеленью на две недели, а потом они снова выгорают в пепел.

Сэмюэл Ривз сидел в своем кабинете на втором этаже частной клиники «Серафим» (Санта-Эндикот, Медицинский округ 7) и смотрел, как капли разбиваются о стекло. Ему было пятьдесят два. Седина на висках, руки хирурга — длинные пальцы, которые никогда не тряслись. До сих пор.

— Доктор Ривз, — секретарша Мириам просунула голову в дверь. У нее было лицо человека, который видел слишком много страданий и перестал моргать. — Ваш новый пациент. Тот самый, из программы.

Сэмюэл кивнул. Программа называлась «Идеальный пациент». Государственный грант, университет Лома-Линда, этическая комиссия, десятки подписей. Суть: отобрать людей с неизлечимыми психическими расстройствами, которые откликаются на лечение, и применить к ним экспериментальную терапию глубокой стимуляции мозга. Ничего зловещего. Просто наука.

— Приводите, — сказал он, хотя горло сжалось.

Мириам исчезла. Через минуту дверь открылась, и вошел он.

Пациента звали Ноа Фостер. Двадцать девять лет. Диагноз: кататоническая шизофрения, резистентная к нейролептикам. В бумагах было написано «недееспособен». В реальности Ноа был самым спокойным человеком, которого Сэмюэл когда-либо видел.

Ноа был красив той пугающей красотой, которая бывает у статуй святых в заброшенных церквях. Светлые волосы, серые глаза без единого отблеска жизни, скулы, которые проступали сквозь бледную кожу, как лезвия. Он был одет в стандартный серый свитшот клиники, но сидел он на стуле так, будто это был трон, а клиника — его личный склеп.

— Здравствуйте, Ноа, — сказал Сэмюэл. — Как вы себя чувствуете?

Ноа не ответил. Он смотрел прямо сквозь Сэмюэла в окно. На дождь. И губы его чуть-чуть шевелились, будто он считал. Что-то. Может быть, капли. Может быть, секунды до конца.

Сэмюэл вздохнул и открыл историю болезни. Там были стандартные записи: галлюцинации, бред преследования, каталепсия. Но на полях, мелкими буквами, почерк предыдущего психиатра — доктора Холлис, которая ушла в запой три месяца назад. И последняя запись гласила:

«Он не говорит, потому что ему не нужно говорить. Он слушает. И то, что он слышит, не предназначено для человеческих ушей. Я настоятельно рекомендую НЕ применять ГСМ (глубокая стимуляция мозга). Ноа Фостер — не пациент. Он — хост. Прервать эксперимент».

Дальше шли каракули. Холлис написала что-то вроде «материя внутри» и «слышит сквозь время».

Сэмюэл тогда посмеялся. Подумал: профессиональная деформация, стресс. Холлис всегда была склонна к драматизму. Он перевернул страницу. Там было согласие на терапию, подписанное братом Ноа. И гриф этического комитета.

— Хорошо, Ноа, — мягко сказал Сэмюэл. — Мы начнем завтра в восемь утра.

Ноа Фостер чуть наклонил голову — едва заметное движение, похожее на то, как поворачивается антенна спутника, чтобы поймать сигнал. И улыбнулся.

Улыбка была идеальной. Симметричной, безрадостной, пустой. Как отражение в ртути.

— Я знаю, — сказал Ноа. Его голос оказался низким, чистым, без единого дефекта. — Доктор Ривз, вы позволите мне один вопрос?

Сэмюэл, ошеломленный тем, что пациент заговорил — впервые за два года стационара — кивнул.

— Что такое боль? — спросил Ноа.

Сэмюэл начал лекцию про ноцицепторы и нейромедиаторы. Ноа слушал, улыбаясь. А за окном дождь вдруг перестал. В Санта-Эндикот опустилась тишина, какая бывает только перед землетрясением.

Глава 2. Карта боли

Первое занятие по ГСМ (глубокой стимуляции мозга) проводилось в стерильной операционной, пахнущей йодом и холодным металлом. Сэмюэл Ривз надел перчатки, проверил электроды — тонкие, как паутина, серебряные проводки, которые должны были проникнуть в таламус пациента, в ту область, что отвечает за восприятие боли и эмоций.

Ноа лежал на столе. Его голова была зафиксирована в стереотаксической рамке — металлической короне с винтами, которые вошли в кость черепа под местной анестезией. Кровь не шла. Только маленькие капельки, похожие на росу.

— Вы будете в сознании, — сказал Сэмюэл, хотя знал, что Ноа не нуждается в объяснениях. — Мы проверим реакцию.

Ассистент доктор Миранда Чен, маленькая женщина с вечно испуганными глазами, настроила томограф. На экране засветился мозг Ноа — серый, извилистый, живой. Но что-то было не так. Сэмюэл нахмурился.

— Миранда, увеличьте вентральный заднелатеральный комплекс.

Увеличила. Сэмюэл почувствовал, как у него пересохло во рту. У нормального человека таламус напоминает два грецких ореха — симметричные, плотные. У Ноа таламус был... сплюснен. Растянут. Как будто через центр его мозга прошла невидимая рука и сжала серое вещество в тонкий, почти двухмерный слой.

— Артефакт? — спросила Миранда, но голос ее дрожал.

— Нет. Это не артефакт.

Сэмюэл опустил взгляд на лицо Ноа. Пациент смотрел в потолок. Но не так, как смотрит человек. А так, как смотрит камера наблюдения — фиксируя все и сразу, включая микровыражения на лице Сэмюэла.

— Начинаем стимуляцию, — сказал Сэмюэл.

Первый импульс: 1 вольт, частота 130 Гц. Мозг Ноа на экране вспыхнул в зоне таламуса золотым светом.

— Что вы чувствуете? — спросил Сэмюэл.

— Ничего, — сказал Ноа. — Еще.

Второй импульс: 2 вольта. Золотое пятно расширилось.

— А теперь?

— Тепло. Как вода, в которой варили кости.

Миранда вздрогнула. Сэмюэл прикусил губу. Третий импульс: 3 вольта — максимальная терапевтическая доза. В этот момент мозг Ноа на экране полыхнул так ярко, что Миранда заслонила глаза рукой. А Ноа засмеялся.

Это не был смех сумасшедшего. Это был смех ребенка, который нашел игрушку, о которой даже не мечтал. Чистый, звонкий, леденящий кровь.

— О, — сказал Ноа, и слеза скатилась по его виску. — Я чувствую всё. Каждую боль каждого человека в радиусе мили. У старухи в третьей палате рак поджелудочной. У санитаря на первом этаже — мигрень от запаха дешевого одеколona. У девочки в лифте — менструальные спазмы и разбитое сердце, потому что парень не ответил на сообщение. Это... красиво.

Сэмюэл Ривз отшатнулся. Впервые за двадцать лет практики ему захотелось выбежать из операционной и не возвращаться.

— Выключите, — сказал он Миранде. — Немедленно.

Но когда Миранда потянулась к тумблеру, ее рука замерла в воздухе. Она не могла пошевелиться. Ее глаза расширились от ужаса.

— Доктор, — прошептала она. — Я... я не могу. Не я не могу нажать. Оно не дает мне.

Ноа Фостер повернул голову. Винты, вкрученные в его череп, скрипнули, но не вырвались.

— Не «оно», — поправил Ноа. — Я. Я не даю вам. Видите ли, доктор Ривз, та боль, которую я чувствую — это не просто сигналы. Это информация. А информация — это власть. Сейчас я знаю все ваши слабые места. Где болит у вас? Где та трещина в броне, через которую я могу войти?

Сэмюэл попятился к двери. Ноа не двигался. Он только улыбался. И Сэмюэл вдруг понял, что в кабинете больше не два человека и не три. С ними был кто-то еще. Кто-то, кто смотрел из растянутого таламуса Ноа Фостера, улыбаясь так же идеально и пусто.

— Ваш правый коленный сустав, — прошептал Ноа. — Вы перенесли операцию в сорок семь. Внутри все еще есть шовный материал. Он не рассосался. Я могу сделать так, что вы почувствуете его как тысячу гвоздей. Хотите?

Сэмюэл побежал. Но не добежал. Упал на колени в коридоре, когда боль взорвалась в его ноге — не фантомная, не психосоматическая. Реальная. Физическая. Такая, от которой темнеет в глазах.

Он кричал. А Ноа в операционной тихо, отчетливо сказал Миранде:

— Запишите в карте: стимуляция успешна. Пациент демонстрирует полный контроль над ноцицептивной системой. Назначить следующий сеанс на завтра. И принесите мне кофе. Черный. Без сахара. Я буду диктовать.

Миранда, трясась, записала. Потому что в клинике «Серафим» появился новый главный врач. И он лежал на операционном столе с электродами в мозгу.

Глава 3. Симптом нулевого пациента

Сэмюэл Ривз очнулся в своей постели через шестнадцать часов. Не помнил, как добрался до дома. Не помнил, как разделся. Он лежал в темноте, слушая, как за окнами Санта-Эндикот воет койот. Одинокий, длинный вой — вопрос без ответа.

Нога не болела. Ничего не болело. Сэмюэл пошевелил пальцами, напряг квадрицепс — все работало. Но в груди застрял комок чистого, первобытного ужаса.

Он сел на кровати. Часы на тумбочке показывали 3:47 утра. На телефоне — сорок семь пропущенных от Миранды и двадцать три текстовых сообщения. Он открыл первое.

«Доктор Ривз, пациент Ноа Фостер вышел из процедурной. Он прошел через пост охраны. Охранники его не видели. Камеры его не записали. Он просто исчез из кадра, но продолжил существовать в реале. Я знаю, что это бред. Пожалуйста, ответьте».

Второе: «Он в столовой. Сидит с другими пациентами. Они рисуют. Все рисуют одно и то же».

Третье: «Они рисуют вас, доктор Ривз. Ваш портрет. Но на месте ваших глаз — черные дыры. И из них текут муравьи. Пациент Джексон (параноидная шизофрения) вскрыл себе вены пластиковой ложкой, потому что, цитирую, "доктор Ривз сказал мне это сделать". Но вы не говорили. Говорил Ноа. Голосом Ноа, но чужими интонациями. Я увольняюсь. Я уезжаю к матери в Аризону. Не ищите меня».

Сэмюэл выключил телефон. Пошел на кухню, налил виски. Выпил не глядя. В зеркале над раковиной отразилось его лицо — заострившееся, серое, с мешками под глазами. Он вдруг понял, что стареет. Что война с болезнями пациентов всегда была войной с самим собой.

А потом он услышал шаги. Тяжелые, вкрадчивые, босые. На втором этаже его собственного дома.

— Нет, — прошептал Сэмюэл. — Нет, только не здесь.

Он взял нож для стейков. Поднялся по лестнице, стараясь не скрипеть. Коридор второго этажа уходил в темноту — идеальную, непроницаемую, как жидкий асфальт. Дверь в спальню

дочери была открыта. Дочь Сэмюэла, Лилиан, училась в Стэнфорде и приезжала только на каникулы. Сейчас не было каникул.

Он заглянул.

На кровати Лилиан сидел Ноа Фостер. Голый по пояс, с марлевыми повязками на предплечьях — следы от старых инъекций. Электроды из черепа торчали, как у антенны насекомого. Он держал в руках детскую фотографию Лилиан. Ей там было семь лет, с косичками и с выпавшим молочным зубом.

— Красивая девочка, — сказал Ноа, не оборачиваясь. — Кричит она еще красивее. Хотите услышать, доктор Ривз? Я могу воспроизвести. Я запомнил звук ее плача из ваших воспоминаний. У вас очень яркие, очень болезненные воспоминания. Спасибо за подарок.

— Убирайся из моего дома, — прошептал Сэмюэл. Нож дрожал в его руке. — Я вызову полицию.

— Полиция, — Ноа рассмеялся. — Вы думаете, полиция может остановить то, что не имеет тела? Доктор, вы еще не поняли. Я не человек. Я — катализатор. Ваша клиника «Серафим» теперь — моя церковь. А вы — мой первый апостол. И апостолы не стреляют в своих богов. Они целуют им раны.

Ноа медленно повернул голову. Его серые глаза в темноте светились — не отражали свет, а именно светились, как рыболовные поплавки в ночной воде.

— Я хочу, чтобы вы кое-что сделали, доктор, — мягко сказал он. — Завтра утром вы придете на работу. Вы примете новых пациентов. Вы будете лечить их старыми методами. Но как только стемнеет, вы откроете седьмой этаж. Тот, который закрыли после инцидента с доктором Холлис. Там есть камера №11. В камере №11 — никого нет. Но там есть дверь. Ее нельзя открывать. Откройте ее, доктор. Откройте, и вы узнаете, что такое настоящая боль.

Нож выпал из руки Сэмюэла. Он не помнил, как опустился на колени. Помнил только, как Ноа подошел, наклонился, коснулся губами его лба — влажными, холодными, пахнущими формальдегидом — и прошептал:

— Спите. Вам приснятся прекрасные сны. А когда проснетесь, вы будете свободны. Свободны от иллюзии, что вы кого-то лечили. Вы всегда только усугубляли. Я здесь, чтобы закончить вашу работу.

И тьма взяла Сэмюэла. Не как сон — как анестезия. Как та, после которой просыпаешься другим человеком.

Глава 4. Седьмой этаж

Утром Сэмюэл Ривз приехал в клинику раньше всех. Солнце только поднималось над горами Сан-Габриэль, и свет был розовым, липким, как сироп. Он прошел через турникет, приложил карточку. Лифт открылся сразу — будто ждал.

— Седьмой этаж, — сказал он вслух. Пальцы нажали кнопку.

Лифт не двинулся. На панели замигала красная лампочка: «ДОСТУП ЗАПРЕЩЕН. ТРЕБУЕТСЯ УРОВЕНЬ 5+».

Сэмюэл достал свой бейдж. Уровень 4. Директор отделения терапии. Недостаточно. Но рядом с кнопкой 7 был маленький замочек, давно сломанный — еще со времен строительства. Он вынул скрепку из кармана рубашки, вставил в отверстие. Лифт дернулся и поехал вверх.

Седьмой этаж встречал запахом антисептика, но не больничного, а дешевого — как в моргах, которые экономят на формалине. Лампы дневного света мигали вразнобой, создавая эффект старого кино. Пол был выложен кафелем цвета слоновой кости, но кое-где кафель треснул, и из трещин сочилась ржавая вода. Хотя на улице была засуха третью неделю.

Коридор был длинным — метров пятьдесят, не меньше. По обе стороны — двери из толстой стали, с глазками и засовами снаружи. Камеры. Семь, одиннадцать, тринадцать — номера шли не по порядку, будто кто-то вырывал некоторые и переставлял.

Камера №11 была в самом конце, перед глухой стеной. Стена была странной — не бетонной, а какой-то пористой, серо-розовой, похожей на рубцы. Сэмюэл провел по ней рукой. Теплая. Пульсирует. Как живая плоть.

Дверь камеры №11 была не заперта. Точнее, замок был, но кто-то вырвал его вместе с куском металла — грубой силой, не инструментом. Сэмюэл толкнул дверь. Она открылась внутрь.

В камере никого не было. Но это «никого» было особенным. Как тишина в комнате, где только что умер человек. Сэмюэл включил фонарик на телефоне. Стены — такие же серо-розовые, пористые. Пол — резиновый, в пятнах. Пятна были не старыми. Они были влажными. И они дышали. В прямом смысле — равномерно вздымались и опускались.

В центре камеры лежала ветошь. Сэмюэл поднял ее. Это была больничная пижама. На спинке, вышито зеленым, имя: «НОА ФОСТЕР».

Он замер. Ноа никогда не лежал на седьмом этаже. Ноа был переведен из государственной больницы Норволк два месяца назад. Но здесь, в камере №11, пахло Ноа. Той же смесью озона и старости, что и в операционной.

Сэмюэл хотел выйти. Но дверь за его спиной захлопнулась с мягким, почти нежным щелчком.

— Не надо, — сказал он в пустоту.

Пустота ответила. Шепотом. Тысячей голосов — старых, молодых, мужских, женских. Все они говорили одновременно, но Сэмюэл разбирал каждое слово:

«Доктор Ривз, мне больно»

«Сделайте это, доктор. Выключите аппарат»

«Почему вы не пришли? Моя мать умерла одна»

«Мы верили вам. Все верили»

Сэмюэл зажал уши. Шепот не стих. Он проходил сквозь пальцы, сквозь кости черепа, прямо в таламус. В ту самую зону, которую он стимулировал у Ноа. И тогда он понял.

Ноа не контролировал боль. Он был болью. Собранной, концентрированной, превращенной в личность. Каждый пациент, который когда-либо кричал в этой клинике, каждый, кто умер от рака, от передозировки, от разрыва аорты — их последние ноцицептивные сигналы не исчезали. Они копились где-то. В стенах. В кафеле. В этом пористом, живом веществе, которое росло на седьмом этаже.

И Ноа Фостер был первым, кто смог его услышать. И возглавить.

Дверь открылась сама. Сэмюэл выбежал в коридор, споткнулся об чей-то ботинок. Поднял голову.

Перед ним стояли пациенты клиники «Серафим». Все, кого он лечил за последние пять лет. Около сорока человек. Они были в одних больничных рубашках, босые, с пустыми глазами. Но их позы были одинаковыми — руки по швам, подбородки подняты. Как солдаты на параде.

Из их толпы вышел Ноа Фостер. Теперь он был в белом халате. С чужого плеча — Сэмюэл узнал свой запасной халат, висевший в ординаторской.

— Вы пришли, доктор, — сказал Ноа. — Я знал, что вы придете. Потому что вы — любопытны. Любопытство — это тоже боль. Безответная. Неутоленная. И я утолю её.

Ноа подошел к стене, к той самой, что была в конце коридора. Пульсирующей, серо-розовой. И медленно, с наслаждением, провел ногтем по её поверхности. Стена раскрылась. Как рана. Как рот. Как дверь, за которой не было комнаты, а была бесконечность, полная криков.

— Добро пожаловать в настоящий седьмой этаж, — сказал Ноа. — Теперь вы — пациент. А я — врач. И лечение начнется прямо сейчас.

Сэмюэл Ривз закричал. Но его крик утонул в тысяче других криков, которые хлынули из стены, как вода из прорванной плотины.

Глава 5. Анамнез Ноа

Три дня спустя (или три года — Сэмюэл потерял счет времени) Миранда Чен нашла его в подвале клиники. Она сидела на корточках за стеллажом с просроченными медикаментами, дрожа и кусая губы.

— Доктор Ривз, — прошептала она. — Я вернулась. Простите. Я доехала до Аризоны, но мать сказала, что у нее нет для меня места. Что я должна закончить начатое. Я не поняла, что она имела в виду, пока не услышала новости.

Сэмюэл поднял голову. Он был грязен, небрит, в разорванной рубашке. Глаза его запали, но в них горел тот странный огонь, который бывает у людей, прошедших через боль и оставшихся жить.

— Какие новости? — спросил он хрипло.

Миранда протянула телефон. На экране — сайт местной газеты «Санта-Эндикот Курьер». Заголовок: «КЛИНИКА "СЕРАФИМ" ЗАЯВЛЯЕТ О ПРОРЫВЕ В ЛЕЧЕНИИ ШИЗОФРЕНИИ. ДОКТОР НОА ФОСТЕР ПРЕДСТАВЛЯЕТ НОВЫЙ ПРОТОКОЛ».

Ниже — фотография. Ноа Фостер в белом халате. Стоит на фоне операционной. Рядом с ним — мэр города, шериф, епископ местной церкви. У всех блаженные улыбки. У всех — серые, пустые глаза.

— Как он это сделал? — прошептала Миранда. — Он же был пациентом три дня назад. А теперь — главный психиатр. У него дипломы, лицензии, даже рекомендательные письма от Гарварда. Но их не существовало вчера. Я проверяла.

— Он заставил их поверить, — сказал Сэмюэл. — Ноа чувствует боль. Но он научился дарить... не боль. Удовольствие от ее отсутствия. Мгновенное, полное облегчение. Когда человек перестает болеть — даже если он не болел — он испытывает эйфорию. Сравнимую с героиновой. Ноа дает эту эйфорию всем, кто его слушает. А взамен забирает их волю.

Миранда побледнела еще сильнее.

— Тогда почему вы не под его контролем?

Сэмюэл горько усмехнулся.

— Потому что я уже был в эпицентре. В камере №11. Там нет облегчения. Там только чистая, незамутненная боль всех, кого я не смог спасти. Ноа дал мне это как прививку. Маленькую дозу вируса, чтобы организм выработал антитела. Он хочет, чтобы я был свидетелем. Чтобы я видел, как он превращает мой город в один большой гнойник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.